

И.С. Тургенев в восприятии М.А. Алданова

© 2020, В.В. Шадурский

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются разные аспекты восприятия личности и творчества И.С. Тургенева Марком Алдановым. Тургеневская рецепция в творчестве Алданова изучена в диахроническом плане: от упоминания персонажей романов «Рудин» в публицистической книге «Армагеддон» до рецензий на издания сочинений Тургенева в эмигрантской печати и критических оценок в философских диалогах «Ульмская ночь». Исследуются причины алдановской иронии в отношении некоторых произведений Тургенева, называемых «шоколадной фабрикой». Алданов пытается быть объективным, аргументированным критиком, при этом недостатки стиля Тургенева он соотносит с достоинствами стиля Л.Н. Толстого. Вместе с тем Алданов переживает «неудачи» Тургенева, высоко оценивая его как писателя из пятерки лучших авторов «золотого» века русской литературы, как оригинального европейского интеллектуала. Алданов упоминает Тургенева в публицистике, критике, переписке, использует тургеневские мотивы, цитаты в своей художественной прозе. В статье дана характеристика романов «Повесть о смерти», «Бред», «Самоубийство», в которых тургеневская биография, образы произведений Тургенева встраиваются в жизнь вымышленных персонажей Алданова. Доброта, нравственность героев тургеневских произведений, деликатность художественного слова писателя входят в нравственный мир персонажей романов Алданова, который почти 40 лет цитировал произведения и письма Тургенева, использовал образы его романов и повестей для выражения собственной эстетической оценки.

Ключевые слова: рецепция; цитата; М.А. Алданов; А.С. Пушкин; И.С. Тургенев; А.И. Герцен; Л.Н. Толстой.

Информация об авторе: Владимир Вячеславович Шадурский — кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Большая Санкт-Петербургская ул., д. 41, 173003 г. Великий Новгород, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0039-7824>. E-mail: shadvlad@mail.ru

Для цитирования: Шадурский В.В. И.С. Тургенев в восприятии М.А. Алданова // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 265–280. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-265-280>

Если бы у современного писателя все дела оказались «в шоколаде», — это, наверное, следовало бы признать успехом. Но что значит, когда наследие классика литературы называют «шоколадной фабрикой»¹? Возникает желание разобраться с создателем такого нелюбимого ярлыка. Какое он имел право так отзываться о творчестве великого И.С. Тургенева?

Для того чтобы понять эту ситуацию, нужно обратиться к литературно-критическому и художественному творчеству М.А. Алданова. Рецепция творчества Тургенева в прозе Алданова имела ряд особенностей.

Наверное, впервые Алданов цитирует, использует образы Тургенева в публицистической книге «Армагеддон» (1918). Автор писал о революции, о Первой мировой войне, казалось бы, чем ему может быть полезно творчество «либерального» Тургенева? Но ведь и «либеральный» Тургенев не чуждался проблем революции: его Рудин погибает на баррикаде, а общение с А.И. Герценом, П.Л. Лавровым и Г.А. Лопатиным достойно не только филологического, но и политологического изучения. Итак, что же из наследия Тургенева отразилось в первом публицистическом сборнике Алданова?

Саркастически отзываясь о фанатичных революционерах и корыстных политиках, Алданов вспоминает тургеньевских персонажей, нравственная чистота которых контрастирует с моральным обликом деятелей истории. Так, Талейран, один из самых нечистоплотных политиков времен Великой французской революции, «оставил после себя мемуары такой голубиной чистоты, точно их писала тургеньевская Лиза» [1, с. 13]. О праведном суде потомков над историческими событиями помогают вспомнить персонажи романа «Рудин»: «В сущности, вы принадлежите к породе людей, которых французы называют “неудавшиеся идеалисты”. Рудин, прельщенный философией Пигасова, истинно говорю вам, — надо подождать беспристрастного приговора истории» [1, с. 48].

С иронией вспоминает Алданов и письмо Тургенева к А.И. Герцену (23 октября (4 ноября) 1862, Париж), а именно слова о Шопенгауэре. «“Шопенгауэра, брат, надо читать, Шопенгауэра”², — советовал Тургенев Герцену. Того Шопенгауэра, который, умирая, оставил большую часть своего состояния солдатам, восстановившим “порядок” в 1848 г. А меньшую часть — своей собаке» [1, с. 54]. Можно ли

¹ Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 413.

² Алданов цитирует письмо, выпустив одно слово: «Шопенгауэра, брат, надо читать поприлежнее, Шопенгауэра» [9, т. 5, с. 124].

всерьез отнестись к рекомендации Шопенгауэра, поступки которого вызывают удивление у здравомыслящих людей? Соответственно, и советы Тургенева о необходимости читать этого немецкого философа признаются романтической утопией.

Алданов удивляется, как фигуры бурной общественно-политической жизни России на страницах русской литературы и, в частности, прозы Тургенева превращаются в образы людей без воли и энергии; почему именно эти образы называют подлинными русскими «типами»: «“Несчастливая русская обломовщина...”. Обломов — русский, но разве не русский Желябов? Любопытно, что прототипом “безвольного” Рудина послужил Тургеневу Бакунин, человек больших дел...» [1, с. 70].

По мнению Алданова, «провидческая» сила Тургенева не имела никакого сверхъестественного происхождения и потому была необыкновенно точна: «Тургенев, вообще говоря, мало предсказывал и неохотно проповедовал, но почти всегда хорошо, потому что и предсказывал, и проповедовал он самые элементарные вещи, вроде ученье — свет, а неученье — тьма. Может быть, именно поэтому он у нас в России почитался оригиналом и европейцем» [1, с. 95].

Живя в Париже и работая в журнале «Современные записки», Алданов мог печататься как в основном отделе прозы и статей, так и в отделах «Критика и библиография» (см.: [11]), «Культура и жизнь». Редакция, зная об эрудиции писателя и его способности раскрывать себя в разных жанрах, использовала эти его качества.

Неудивительно, что первый алдановский материал о Тургеневе появился в жанре рецензии³, которая была опубликована в отделе «Критика и библиография». Алданов писал, как книгоиздатели за рубежом недооценивали интерес к русской классической литературе. К таким бесперспективным авторам, «несозвучным эпохе», ошибочно относили и Тургенева, однако десяти томное собрание сочинений, которое появилось в Риге, стало уже третьим изданием Тургенева для русской эмиграции. Алданов высоко оценивает не только внешний вид книг, но и полноту содержания, ведь в собрание вошли малоизвестные художественные произведения. Более того, напоминание П. Трубникова о 150 еще неизданных рукописях Тургенева служит мотивацией для публикации этих произведений писателя. Алданов не сравнивает талант и значение Тургенева с недостижимой величиной

³ Алданов М.А. [Рец. на: Тургенев И.С. Полное собрание художественных произведений: в 10 т. Рига: Жизнь и культура, 1930] // Современные записки. 1931. Кн. 46. С. 508–510.

в литературе — Л.Н. Толстым, но «гордиться Тургеневым Россия, конечно, будет всегда с полным правом»⁴.

На этом достаточно благодушном фоне резко выделяется статья, в которой говорится о «литературном шоколаде» в творчестве Тургенева⁵, — статья, которая в принципе не должна была появиться на свет. В ее подзаголовке автор даже как будто извиняется за невозможность создать целостный очерк о Тургеневе, и поэтому нужно понять, с какой целью и в каком контексте этот материал оказался опубликованным.

Дело в том, что в 53-м номере «Современных записок» за 1933 г. публикаций Алданова о Тургеневе не планировалось. Но вышло так, что Алданов не успел дать в этот номер ожидаемый отрывок из романа, и поэтому редактор В.В. Руднев предложил ему написать рецензию на какой-либо советский роман. Но и тут Алданова подстерегала неприятность: устав критиковать советских авторов, он запросил книжку, как писал М.В. и М.А. Вишнякам, «которую бы мог похвалить». Руднев посоветовал роман Шолохова «Поднятая целина», Алданов ознакомился с ним и вышел из себя: «совершенная макулатура», «гнусное подхалимство». В итоге рецензия не могла быть написана, и Алданов в спешке передал в редакцию «вместо нее статью о Тургеневе» [8, с. 61]. Соответственно, статья оказалась не выверенной и не совсем завершенной, хотя известно, что педантичный Алданов даже для отдела «Критика и библиография» не просто писал рецензии на книги, но создавал цельные очерки о писателе и его творческом пути. В письме к Рудневу от 8 сентября 1933 г. Алданов сообщает о характере статьи о Тургеневе и, называя ее «для отдела статей слишком незначительной», просит опубликовать в отделе «Культура и жизнь». Он обращает внимание, что статья составлена «в форме отдельных заметок, разделенных посредством тире» [8, с. 60]. Действительно, есть 8 таких тире, разделяющих текст на 9 частей. В посмертном книжном издании [4, т. 6, с. 460–467] эта статья разделена на части с помощью пропуска строк и визуально воспринимается более цельной.

Итак, мы обратили внимание, что подзаголовок статьи Алданова обещал некую фрагментарность — «Несколько заметок». Но вместе с тем она обладает внутренней цельностью и выстроенной композицией: начинается статья характеристикой философско-политических взглядов Тургенева, высказанных им в письме к Герцену, продол-

⁴ Там же. С. 509.

⁵ Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 412–417.

жается оценкой публицистических идей в тургеневских романах и обзором литературы о Тургеневе, в том числе упоминанием книги Б.К. Зайцева. Алданов рассуждает о превратности писательской славы, об изменении отношения потомков: от восторженного восхваления до развенчания. Как и в других литературно-критических работах, Алданов-исследователь в основном не выходит за рамки подходов культурно-исторической школы. При этом он показывает зависимость восприятия писателя от той эпохи, к которой принадлежит читатель: «Время наше элементарное, но катастрофическое, а он катастроф терпеть не мог: немудрено, что его у нас меньше читают, чем в Англии»⁶.

Алданов называет Тургенева «большим художником и очень умным человеком», а «достоинства его произведений» «признанными и очевидными». Вместе с тем большая часть статьи посвящена перечислению недостатков автора «Рудина». В этих «заметках» Алданов выступает начитанным и придирчивым читателем, обращающим скрупулезное внимание на стиль любимого писателя. Тургеневу достается за повести «Клара Милич», «Фауст». «Ненужные страницы» обнаруживаются в рассказе «Первая любовь», а в романе «Отцы и дети» «не удались» четыре персонажа. Свою позицию Алданов обозначает в деликатной фразе: «...невольно ловишь себя на повышенном внимании к недостаткам», главным же среди них он называет «легкую слабость к литературному шоколаду»⁷.

Что может скрываться на этой метафоре, которую мог позволить себе только весьма смелый литературный критик? Эта фраза намекает на сентиментальную слащавость и в целом — на искусственность какого-то литературного приема. Признаки «литературного шоколада» Алданов обнаруживает в заглавиях «Новь», «Вешние воды», в построении фраз в «Фаусте», в образах героев «Первой любви». И вот что интересно: в тех же фрагментах, где характеризуются изъяны прозы Тургенева, Алданов описывает и недостатки прозы Льва Толстого, но всякий раз объясняет и оправдывает эти недостатки. Так, по мнению Алданова, заглавие «Власть тьмы» «в звуковом отношении ужасно», однако в большинстве своих заглавий Толстой делает нечто, отчего «слова эти приобретают у нас новый звук»⁸. Заглавие «Клара Милич» тоже звучит неестественно, что отчасти обусловлено искусственностью всего содержания произведения.

⁶ Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 413.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

И даже книгу Бориса Зайцева о Тургеневе Алданов упоминает не затем, чтобы опереться на авторитетное мнение и как-то его дополнить; напротив, он оспаривает «исключительно высокую оценку» «известной поэмы» «Клара Милич».

С одной стороны, принципы его критики напоминают культурно-историческую школу, с другой стороны, эстетическую критику В.Г. Белинского, соединявшего эстетическую оценку с историческим подходом к произведениям. Иначе не понять, почему Тургенев, ищущий новую форму, назван «не нашедшим ее» (множество «стилистических приемов теперь режущих слух»), почему его «поймали» на избыточных повторах, на многословии, почему сравнение начала «Клары Милич» с первыми фразами «Пиковой дамы» показывает, «как за пятьдесят лет ушло назад искусство символического рассказа»⁹. Более того, Алданов приводит финал пушкинской повести как образец ритма, краткости и емкости фразы в упрек Тургеневу. А слова о Полине Виардо сопровождаются своеобразным реальным комментарием: «Едва ли умирающий старик хотел тут сделать рекламу бывшей певице». В то же время суждения Алданова не категоричны, высказывания даны в мягкой форме: «вполне возможно», «не очень удался», «стиль его недостаточно наивен». И даже те произведения Тургенева, где обнаруживаются неубедительные приемы, оцениваются высоко по тому лучшему, что в них есть. «Первая любовь» — написана «с удивительным совершенством», некоторые персонажи «Отцов и детей» — «сделаны изумительно». В целом художественные неудачи Тургенева Алданов объясняет тем, что автор «Отцов и детей» постоянно искал новые формы для выражения богатого содержания и в этом поиске мог ошибаться, что вполне естественно для первопроходца. Алданов не использует термины, обозначающие литературные направления: *романтизм* или *реализм*. Но по его логике, ошибки Тургенева можно было бы отнести к своеобразным и довольно искусственным проявлениям романтизма. И хотя на многих страницах Тургенева гораздо «больше искусства и поэзии», чем на страницах Достоевского, он — «самый неровный из всех классических русских писателей»¹⁰.

И вместе с тем сам Алданов оказывается непоследовательным в оценках, ведь выбранный им способ сопоставления стилистических приемов писателей можно назвать «нерелевантным», потому что слабые в художественном отношении «места» тургеневского стиля он соотносит с наиболее удачными приемами Пушкина и Толстого.

⁹ Там же. С. 414.

¹⁰ Там же. С. 417.

Алданов пытается быть объективным, аргументированным критиком. Даже то неприятие «Войны и мира», которое выразил Тургенев после прочтения первой части романа, объясняется не завистью или злостью, а простым консерватизмом: «...не сразу мог принять революцию в искусстве такой большой художник, как он». При всей субъективности и эмоциональности Алданов пытается понять позицию автора, старается передать его точку зрения: «Однако “внутренний голос”, верно, всё громче ему твердил: “Да, то, то самое...”»¹¹ Неадекватная оценка Толстого называется драмой. Критик словно переживает за Тургенева, близко воспринимая его эмоции.

Завершается статья обобщением всего ранее написанного Алдановым о Тургеневе и обозначением критерия оценки: «Надо ценить больших писателей по тому лучшему, что они дали», а также традиционным риторическим приемом — ссылкой на авторитетное мнение: «Совершенно справедливо говорит Б.К. Зайцев, что “в золотом веке нашей литературы место Тургенева в числе четырех-пяти первых”»¹². Субъективность Алданова превращает его литературно-критические работы в художественное эссе, в художественно-документальную прозу.

В книге «Ульмская ночь» (1953) [4, т. 6, с. 141–438], построенной в виде философского диалога А. и Л., имя Тургенева звучит не раз. Алдановские собеседники вспоминают даже о фактах литературной жизни, связанных с Тургеневым и описанных уже в советской научной литературе. Это в определенной степени характеризует и любознательную пытливость автора: ведь достать советские издания в условиях эмиграции было достаточно трудно.

В «Диалоге о случае в истории» Алданов приводит слова Б.М. Маркевича из письма к Тургеневу от 9 декабря 1868 г. о «кадетски-наглой в невежестве своем фигуре Льва Толстого, постоянно выталкивающей рыло из-за его дивно-художественного несознательного таланта» [4, т. 6, с. 225], — и называет эту оценку — «очевидно, именно по поводу “Войны и мира”» — «бесстыдной» [4, т. 6, с. 225]. Герой Алданова доверчиво повторяет опечатку, допущенную в тексте этого письма в издании 1935 г.¹³ Ни о каких кадетях в 1868 г. речи быть не могло. Но «детски-наглая... фигура» Толстого превратилась в актуальную для нового времени «кадетски-наглую». Возможно, что

---

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ И.С. Тургенев. Из неизданной переписки с Б.М. Маркевичем и А.П. Философовой / Публикация писем П. Устимовича; предисловие и комментарии Н.М. Мендельсона // Звенья. М., 1935. Т. V. С. 295.

Алданов, цитируя советское издание, разглядел опечатку, но сохранил ее для своей книги, чтобы от имени персонажа позлорадствовать над Маркевичем, приложившим немало усилий для разрушения репутации Тургенева.

В другом эпизоде участник диалога А. оценивает стихи из тургеневской «Нови», причем именно по степени отражения реальности, то есть с позиции культурно-исторической школы: «А “Сон” Нежданова в тургеневской “Нови”: “Всё, всё по-прежнему... И только лишь в одном — Европу, Азию, весь свет мы перегнали... — Нет, никогда еще таким ужасным сном — Мои любезные соотчичи не спали! — Всё спит кругом: везде, в деревнях, в городах, — В телегах, на санях, днем, ночью, сидя, стоя... — Купец, чиновник спит, спит сторож на часах, — Под снежным холодом — и на припеке зноя! — И подсудимый спит — и дрыхнет судия; — Мертвó спят мужики: жнут, пашут — спят, молотят — Спят тоже; спит отец, спит мать, спит вся семья... — Все спят! Спит тот, кто бьет, и тот, кого колотят! — Один царев кабак — тот не смыкает глаз; — И штоф с очищенной всей пятерней сжимая, — Лбом в полус, упершись, а пятками в Кавказ, — Спит непробудным сном отчизна, Русь святая...” Стихи, скажем правду, не только довольно плохие, но и довольно лживые. Написаны они после того, как в течение пятнадцати лет в России осуществлялись почти беспримерные по размаху реформы; таких было мало и в европейской истории и уж наверно не было со времен Петра — в русской. Темп русской жизни, даже и во вторую половину царствования Александра II, был во всяком случае более быстрый, чем в Англии, в Германии, в Австрии, и если не Нежданов, то сам Тургенев, проживший полжизни за границей, мог это знать. Но он высказал общее место, господствовавшее тогда в его кругу» [4, т. 6, с. 268]. Цитата из тургеневской повести приведена точная, с той лишь разницей, что границы стихов обозначены тире (ср.: [10, т. 9, с. 329]). Но надо понимать, что алдановский герой критикует не Тургенева, а его персонажа Нежданова. Избегая отождествления автора и героя, переноса ответственность за «лживость» стихов на Нежданова, Алданов смягчает свою точку зрения на необъективного писателя.

В «Диалоге о русских идеях» собеседник А. вспоминает письмо Тургенева к К.С. Аксакову от 16 (28) января 1853 г.: «Тургенев писал когда-то Константину Аксакову: “Всякая система — в хорошем и дурном смысле слова — не русская вещь; всё резкое, определенное, разграниченное нам не идет”» [4, т. 6, с. 333]. Чуть ниже говорится о категорическом императиве Тургенева: «Впрочем, Тургенев в “Гамлете и Дон-Кихоте” пишет как что-то само собой

разумеющееся: “Все люди живут — сознательно или бессознательно — в силу своего принципа, своего идеала, то есть в силу того, что они почитают правом, красотой, добром”¹⁴. Тут уже есть и некоторое преувеличение: едва ли где бы то ни было “все люди” — или хотя бы только люди высокой культуры — так-таки *живут* ради красоты и добра. Но самые замечательные мыслители России (конечно, не одной России) в своем *творчестве* руководились именно добром и красотой» [4, т. 6, с. 334].

Собеседники в «Ульмской ночи» воспринимают идеи, поступки Тургенева не изолированно, а в соотношении с поступками и высказываниями его современников. Один из них вспоминает знаменательный отзыв Герцена после письма Тургенева к Александру II: «Корреспондент нам говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого она “прервала все связи с друзьями юности”» [4, т. 6, с. 351]. Это почти точная цитата из статьи 1864 г. «Сплетни, копоть, нагар и пр.»¹⁵, которую Герцен поместил в «Колоколе», публично проявив нетерпимость к поступку старого друга. Однако участник диалога А. в духе Алданова смягчил ситуацию, «не украшавшую ни Герцена, ни Тургенева» [4, т. 6, с. 352], и объяснил истоки этой ситуации не политическими разногласиями, а личной обидой писателей.

Диалогичность композиции книги «Ульмская ночь» позволяет Алданову высказываться с разных позиций о разных сторонах жизни Тургенева. Алдановский резонер А. рассуждает о том, что «среди больших людей русского искусства были в немалом числе и люди неверующие», и, ссылаясь на материалы Б. Садовского, говорит об отношении Тургенева к вере: «Тургенев, например, незадолго до смерти, высказал Полонскому мысли, проникнутые самым безнадежным материализмом; он не верил в будущую жизнь, в бессмертие души» [4, т. 6, с. 354]. Отметим, что А. в своей реплике смягчил текст Садовского, переставив слова местами и убрав частицы *ни*¹⁶. Однако

¹⁴ В цитате у Алданова опечатка; правильно: «правдой, красотой, добром» [10, т. 5, с. 331].

¹⁵ Ср.: «Корреспондент наш говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого она прервала все связи с друзьями юности» [5, с. 36].

¹⁶ Ср.: «Он не верил ни в будущую жизнь, ни в бессмертие души и незадолго до смерти высказывал Полонскому свои мысли, проникнутые самым безнадежным материализмом» (Садовской Б. Иван Сергеевич Тургенев // Русский архив. 1909. Кн. I. Вып. I–IV. С. 627).

главное не это, а то, что Алданов использует это свидетельство Садовского, вполне доверяя ему. Вместе с тем даже редактор журнала П. Бартевев считал необходимым сопроводить публикацию деликатным комментарием: «Собранные здесь (из печатных показаний) неприглядные черты, конечно, не должны иметь отношение к словесному дарованию И.С. Тургенева...», а «загадку несоответствий» предложил поискать «в корнях», «в первоначальной обстановке и воспитании писателя»¹⁷.

Алданов показывает, насколько традиционным и «европеизированным» был у Тургенева выбор героев действия: «Классические русские писатели обычно вливали в жилы “людям силы и действия” иностранную кровь. Тургенев выбрал болгарина Инсарова, Гончаров немца Штольца, Чехов немца или шведа фон Корена, Лесков швейцарца Рейнера и поляка Ярошинского. Базаров исключение, да его действие волей судьбы и не началось...» [4, т. 6, с. 371]. Ко всему прочему, и сам Тургенев в числе других писателей был отнесен к умеренным людям, «без малейших признаков бескрайности». Но так сложилось, что даже об этой маленькой детали Алданову пришлось спорить после публикации «Ульмской ночи». Г.В. Адамович, прочитав том философских диалогов, в письме от 17 марта 1954 г. сообщил, что хотел бы исписать всю алдановскую книгу вопросами, и не удержался от того, чтобы не выразить свое несогласие «насчет отсутствия “бескрайности” в русской культуре». В письме к Алданову критик был категоричен: «Конечно, с Вами и за Вами Пушкин, но только он один из “вершин”, п<отому> что Тургенев все-таки не в счет» [7, с. 406]. Однако Алданов в ответном письме от 19 марта 1954 г. настаивал на своем суждении [7, с. 409].

Тургенев «пригодился» Алданову и в дальнейших суждениях: в письме к Адамовичу от 24 ноября 1956 г., иронизируя по поводу мнения Ольги Форш (речь об ударении в фамилии Достоевский на втором слоге), он цитирует сатиру «Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры...») 1846 г. Просодия этого известного стихотворения не позволяет Алданову поверить в версию звучания фамилии, изложенную Ольгой Форш: «Едва ли это верно, — сужу по стиху Тургенева: “Достоевский, юный пыщ”» [7, с. 472]. Эта сатира со строкой «Достоевский, милый пыщ...» [10, т. 1, с. 332] написана совместно Некрасовым и Тургеневым [10, т. 1, с. 544]. Алданов же знал его, возможно, по воспоминаниям Я.П. По-

¹⁷ П.Б. [Примечание ред. к ст. Б. Садовского «И.С. Тургенев»] // Русский архив. 1909. Вып. I–IV. С. 629.

лонского, на что указывает и эпитет *юный*, неизвестный в авторизованных списках [6, с. 370].

Алданов упоминал Тургенева не только в критических и публицистических сочинениях и в переписке; тургеньевские мотивы, цитаты он использовал и в художественной прозе.

В «Повести о смерти» (1950–1953) Алданов изобразил просвещенного купца, книготорговца Тяньку, который не только знает иностранные языки и пишет комические стихи, но и пару раз видел Лермонтова, знаком с Тургеневым. Таким образом, тургеньевская биография как бы совмещается с жизнью вымышленных персонажей. Тянька знает Тургенева не как великого писателя, а как талантливого, но весьма дерзкого молодого автора, подающего большие надежды: «...я в Питере познакомился прошлого года с начинающим писателем Тургеневым. С тем, что написал поэму “Поп” ...она нигде не появилась и никогда не появится. Я в списке читал...» [2, с. 64]. Тянька не только любознательный читатель, он тонкий знаток литературы, например, советует своему другу: «...прочти в первой книге “Современника” его же рассказ “Хорь и Калиныч”. Недурно. Так вот, брат, этот самый Тургенев, или он, кажется, Тургенев-Лутовинов, говорил при мне, что все русские писатели совершенно не умеют писать женщин» [2, с. 64]. Такая приближенность к великому писателю делает его образ — почти «домашним»; таким же приемом воспользуется Алданов и в романе «Истоки», познакомив другого вымышленного героя М.Я. Чернякова с Достоевским.

Алданов применяет тургеньевское «слово» и в романе «Бред» (1952–1955). Главная героиня Наташа любит читать Тургенева, живет его образами. Ее возлюбленный, шпион Шелль, напротив, Тургенева не любит. Вместе с тем Шелль как человек образованный, эрудированный, выросший на русской литературе, творчество Тургенева знает очень хорошо и тоже мыслит тургеньевскими образами и ассоциациями. Тургеньевские цитаты герои Алданова используют для построения своих фраз. Шелль говорит о себе: «Я человек без рода и племени, вечный повсеместный “*sale étranger*”. И вдобавок предельный эгоист, “со всех сторон окруженный самим собой”, как говорил Тургенев. Точнее я *был* таким» [2, с. 608]. Получается, что Шелль не любит, но хорошо знает Тургенева и цитирует его стихотворение в прозе «Эгоист»: «Не ведая за собой ни малейшей слабости, он не понимал, не допускал ничьей слабости. Он вообще никого и ничего не понимал, ибо был весь, со всех сторон, снизу и сверху, сзади и спереди, окружен самим собою» [10, т. 10, с. 156]. А потом герой Алданова, еще не поверивший в то, что может влюбиться, иро-

низирует над своим чувством. «Он любил элегантных женщин и не мог понять, как влюбился в Наташу. “Тяжелая страсть!” — объяснял он себе. Ему нравились такие слова, и он почти сожалел, что они тут совершенно не подходили: ничего “тяжелого” в его новой страсти не было» [2, с. 455]. Это определение восходит к характеристике любви Базарова к Одинцовой в романе Тургенева «Отцы и дети»: «...это страсть в нем билась, сильная и тяжелая — страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей...» [10, т. 7, с. 98]. Далее Шелль, желая обрести духовный контакт со своей возлюбленной, дарит ей произведения Тургенева: «...я привез тебе маленький подарок. Нашел у букиниста старое издание Тургенева». Наташа отвечает: «Я ужасно люблю Тургенева. “Вешние воды” и “Первая любовь” — это самые любимые мои книги!» [2, с. 499]. Кстати, именно «Первую любовь» и «Вешние воды» Алданов критиковал в статьях 1930-х гг. [2, с. 574]. Но насильно полюбить писателя невозможно. В этом и ощущается не просто различие интересов героев, но и различие в духовных потребностях: «Иногда по вечерам он читал ей вслух. Тургенева читать решительно отказался; к огорчению Наташи, не любил этого писателя» [2, с. 659]. В свою очередь, Наташа проявляла деликатность и не насаждала чтение Тургенева: «Когда Шелля не было дома, Наташа работала над диссертацией или читала Тургенева» [2, с. 617]. Читала без него, чтобы не раздражать.

Шелль ловит себя на ассоциации с тургеневскими героями: под влиянием «тургеневской девушки» Наташи и неожиданно для себя самого, он переживает «духовное возрождение человека». А Наташа пытается оценить взаимоотношения с Шеллем и себя как женщину с помощью образа «тургеневской девушки». После свадьбы она спрашивает у Шелля: «А ты меня любишь? Правда? Как кто? Как Лаврецкий Лизу? Как Санин Джемму? Я отлично знаю, что мне до них, как до звезды небесной!..» [2, с. 561]. Персонажи романа «Дворянское гнездо» и повести «Вешние воды» не дают покоя Наташе, очень скромной и в то же время стремящейся к возвышенному идеалу. И действительно, нравственная Наташа разрушает эгоизм самовлюбленного Шелля, за душой которого не одно убийство, она передает ему импульс жертвенности, веру в добро. В одном из кульминационных эпизодов Наташа цитирует повесть «Фауст»: «Вот ты Тургенева не любишь, а он сказал: “Кто знает, сколько каждый живущий на земле оставляет семян, которым суждено взойти только после его смерти? Да, сколько он таких семян оставил! Я — никто, но даже я, быть может, оставлю одно. В тебе...» [2, с. 660–661]. Алданов, как и его Шелль, не любил тургеневского «Фауста»: «...весь

этот «Фауст» — из шоколадной фабрики Тургенева»¹⁸, — сентиментально-слащавые образы с «искусственной жизнью» были ему не по душе.

Тургеневские ассоциации свойственны и другим героям. Так, советский разведчик, полковник № 1 воспринимает Шелля следующим образом: «Полковник *хотел бы* чувствовать к нему гадливость, но не чувствовал. *Хотел бы*, чтобы у него был, например, тонкий, писклявый голос, как у некоторых других людей огромного роста, как у Бисмарка, у Тургенева¹⁹; но голос у Шелля был самый обыкновенный, впрочем, скорее неприятный» [2, с. 450].

Несмотря на «высокодуховные» тургеневские аллюзии, Алданов иронизирует. Так, Наташа вспоминает рассказ «Два приятеля»:

« — В той книге Тургенева, которую ты мне подарил, героиня называется Эмеренция Калимоновна.

— Да, Тургенев находил, что это очень остроумно» [2, с. 574].

В романе «Самоубийство» (1956–1957) Алданов сопоставляет ситуацию с эпизодом из «Дневника лишнего человека» Тургенева. Травников с улыбкой отзывается о лекции Ласточкина, удивительным образом утвержденного большевиками на должность приват-доцента: ««содержания оной не одобрил», как говорится у Тургенева...» [3, т. 6, с. 385]. Травников почти дословно цитирует отзыв незнакомца о рассказе лишнего человека [10, т. 4, с. 215].

Таким образом, восприятие Алдановым Тургенева — это длительный процесс: почти 40 лет Алданов цитировал тургеневские произведения, письма, использовал образы его романов и повестей для выражения собственной эстетической оценки — как в литературной критике, публицистике, так и в художественном творчестве. Вместе с тем ощущение литературного дара и права на критическое суждение дало Алданову возможность высказывать мнение не только о достоинствах Тургенева-писателя, но и о недостатках его приемов. Отношение Алданова к Тургеневу не изменяется, однако от рецепции тургеневских идей и мотивов в публицистике и литературной критике 1918–1940-х гг. Алданов переходит к рецепции художественных образов Тургенева в больших эпических формах в 1950-е. Доброта, нравственность героев тургеневских произведений, деликатность художественного слова писателя входят в нравственный мир персо-

¹⁸ Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 416.

¹⁹ Об этом «странным» сочетании у Тургенева «детского пискливого голоса и гигантской фигуры» Алданов мог узнать по свидетельствам его современников: См.: Садовской Б. Иван Сергеевич Тургенев // Русский архив. 1909. Кн. 1. Вып. I–IV. С. 605.

нажей романов Алданова. И даже рассуждения о наличии «литературного шоколада» в творчестве Тургенева, высказанные в 1933 г., не бросают тень на величие автора «Отцов и детей»; напротив, они демонстрируют разные возможности его восприятия, живое, неравнодушное постижение мира его образов и чуткое восприятие каждого слова его стиля.

Список литературы

1. Алданов М.А. Армагеддон // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / сост. Т.Ф. Прокопов. М.: НПК «Интел-вак», 2006. С. 5–112.
2. Алданов М. Повесть о смерти. Бред. М.: Гудьял-Пресс, 1999. 696 с.
3. Алданов М.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Огонек, 1991.
4. Алданов М.А. Соч.: в 6 кн. М.: Новости, 1994–1996.
5. Герцен А.И. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 18: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864–1865 гг. 763 с.
6. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст. С.М. Петрова, подгот. текста С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд; коммент. В.Г. Фридлянд. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. 557 с.
7. «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) / предисл., подг. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 290–478.
8. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.
9. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978–2018.
10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978–2018.
11. Шадульский В.В., Степанова М.В. Публикации Марка Алданова в журнале «Современные записки» (отдел «Критика и библиография») // Вестник Новгородского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (87). С. 88–92.

Статья поступила в редакцию: 28.01.2020

Одобрена после рецензирования: 06.05.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Turgenev as Perceived by Mark Aldanov

© 2020. Vladimir V. Shadursky

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

Abstract: The paper examines various aspects of the perception of I.S. Turgenev's personality and works by Mark Aldanov. The reception of Turgenev in Aldanov's work has been studied diachronically: from mentioning the characters of the novel "Rudin" in the journalistic book "Armageddon" to reviews of the émigré editions of Turgenev's works and criticism in the philosophical dialogues "Ulm Night". The reasons for Aldanov's irony towards some of Turgenev's works, called by him the "chocolate factory", are investigated. Aldanov's position is largely due to the principles of the cultural-historical method. Aldanov explains Turgenev's artistic failures by mistakes in a constant search for an adequate form for expressing rich content. Aldanov tries to be an objective, well-reasoned critic, but he correlates the shortcomings of Turgenev's style with the advantages of L.N. Tolstoy's style. At the same time, Aldanov is concerned of Turgenev's "failures", praising him as one of the five best authors of the "golden" age of Russian literature and an original European intellectual. Aldanov mentions Turgenev in his journalism, criticism, correspondence, uses Turgenev's motives and quotes in his own fiction. The paper describes the novels "The Story of Death", "Delirium", "Suicide", in which Turgenev's biography, images of Turgenev's works are embedded in the life of Aldanov's fictional characters. The kindness and morality of Turgenev's characters, the delicacy of the writer's discourse enter the moral world of Aldanov's characters. For almost 40 years Aldanov quoted Turgenev's works and letters and used the images of his novels and stories to express his own aesthetic assessment. A sense of his own place in literature gave Aldanov the right to express his opinion not only about the merits of Turgenev's work, but also about the shortcomings of his technique.

Keywords: reception; quote; M.A. Aldanov; A.S. Pushkin; I.S. Turgenev; A.I. Herzen; L.N. Tolstoy.

Information about the author: Vladimir V. Shadursky, PhD in Philology, Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0039-7824>. E-mail: shadvlad@mail.ru.

For citation: Shadursky, V.V. "Turgenev as Perceived by Mark Aldanov." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 265–280. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-265-280>

References

1. Aldanov, M.A. “Armageddon” [“Armageddon”]. Aldanov, M.A. *Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Portrety sovremennikov* [Armageddon. Notebooks. Memoirs. Portraits of Contemporaries], comp. by T.F. Prokopov. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 2006, pp. 5–112. (In Russ.)
2. Aldanov, M. *Povest' o smerti. Bred* [The Story of Death. Delirium]. Moscow, Gud'ial-Press Publ., 1999. 696 p. (In Russ.)
3. Aldanov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Ogonek Publ., 1991. (In Russ.)
4. Aldanov, M.A. *Sochineniia: v 6 knigakh* [Works: in 6 books]. Moscow, Novosti Publ., 1994–1996. (In Russ.)
5. Gertsen, A.I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.], vol. 18. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959. 763 p. (In Russ.)
6. Petrov, S.M., and Fridliand, V.G., editors. *I.S. Turgenev v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [I.S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.], vol. 2, introd. by S.M. Petrov, comm. by V.G. Fridliand. 2nd ed. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983. 557 p. (In Russ.)
7. Korostelev, O.A., editor. “...Ne skryvaite ot menia Vashego nastoiashchego mneniia...”: Perepiska G.V. Adamovicha s M.A. Aldanovym (1944–1957)” [“...Do not Hide Your Real Opinion from Me...”: Correspondence of G.V. Adamovich with M.A. Aldanov (1944–1957)”. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2011* [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2011]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., 2011, pp. 290–478. (In Russ.)
8. Korostelev, O.A., and Schrubka, M., editor. “Sovremennye zapiski” (Parizh, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* [“Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940). From the Editorial Archive], vol. 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 976 p. (In Russ.)
9. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols.]. 2nd ed., rev. and edd. Moscow, Nauka Publ., 1978–2018. (In Russ.)
10. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 12 vols.]. 2nd ed., rev. and edd. Moscow, Nauka Publ., 1978–2018. (In Russ.)
11. Shadurskii, V.V., Stepanova, M.V. “Publikatsii Marka Aldanova v zhurnale ‘Sovremennye zapiski’ (otdel ‘Kritika i bibliografiia’)” [“Publications of Mark Aldanov in the Magazine ‘Sovremennye Zapiski’ (Section ‘Criticism and Bibliography’)”]. *Vestnik Novgorodskogo GU. Seria Gumanitarnye nauki*, no. 4 (87), 2015, pp. 88–92. (In Russ.)

The article was submitted: 28.01.2020

Approved after reviewing: 06.05.2020

Date of publication: 25.09.2020